

НАСТЕННЫЙ ТРЕНАЖЕР ЛОГИКА ЛЮБВИ К ОТЕЧЕСТВУ ЗАМГРАНО
ЭКСПАНСИЯ БЕСФОРМЕННОСТИ КОМУ НЕ БЫТЬ БРАТЬЯМИ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УМА КОСМОПОЛИТЫ И ТУЗЕМЦЫ
ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ЛЖИ ПСИХОАНАЛИЗ ПО ХИЧКОКУ ГЛЯДЯ ИЗ
ПАРИЖА СТАТУС РУССКОГО ЯЗЫКА МЫ ВРЕМЯ КАК РАБОТАЕТ
«ЛЕВИАФАН» «ДУРАК», ИЛИ «ЛЕВИАФАН-В7» ТЕЛЕСНЫЙ ИЛИ ЯЗЫК
СОПРОТИВЛЕНИЯ ГОСКОНТРАФАКТ ПУЗЫРЬ ЛЖИ
КЛАССИФИКАЦИЯ БОЖЬИХ ТВАРЕЙ МИСТРАЛЬ
ВЕЛИКОДЕРЖАВНОСТЬ НА КОНКРЕТНОМ ПУТИ
ПРОЧЬ ОТ СВОИХ МОГИЛ МИНУТЫ РОКОВЫЕ ВОЙНА И ЛОЖЬ
ЗАПРЕТНОЕ СТАНЕТ ГЛАВНЫМ «БЕГУЩАЯ ПО ВОЛНАМ» ПАМЯТЬ О
ПОДВИГАХ И ЕЩЕ ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ УЧТИВОСТИ КАК
РАЗГОВОРЧИВОСТЬ ВНИТЕЛЬНЫЙ ПУТЬ ВОССТАНИЕ И
ЕДИНСТВЕННАЯ ЦЕНЗУРНЫЙ ПОГРОМ ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЧТО ЗАБЫТО ВОССТАНИЕ ВОССТАНИЕ ИЛИ КА
ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПУТИ ВОССТАНИЕ ИЛИ КА
МЕНЬШЕГО ЗЛА АНГАЖИРОВАННОСТЬ ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА СПУСТЯ
НОВОСТИ ДНЯ ШАРЛИ НЕ ОНИ ТУРКИ ИЛИ ВОССТАНИЕ
ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД СЕЗОННАЯ ДЕПРЕССИЯ ЛОМ И ПРИЕМ
ЦЕХОВАЯ СОЛИДАРНОСТЬ БРОДЯЧАЯ СЛОВЕСНОСТЬ РОССИЯ
ЕСТЬ РОССИЯ РЕДАКТОРА ОТЛОЖЕННЫЙ ДОЛГ ПОБРАЖАЯ
МЕНЬШИНСТВУ ЛИКВИДАЦИЯ ПОСЛЕДСТВИЕ ВОССТАНИЕ
ДРУЖИННАЯ ПАМЯТЬ «ДЕВИЧИЙ ИСТОЧНИК» FEMME FATALE
Диалогизм РАЗЛИЧЕНИЕ ПОНЯТИЙ ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
МЫСЛЬ И СЛОВО «ГОЛЫЙ ОСТРОВ» «КЛЕО С 1 ДО 7»
NUPTEBOUТ БАДЬЮ О ТЕРРОРИЗМЕ ПОЛИТИКА УМА И СЕРДЦА
ВОЗОБНОВЛЯЕМАЯ ЭНЕРГИЯ «КАСАБЛАНКА» ВЕНСКИЙ КОНГРЕСС
БАДЬЮ О ФАШИЗМЕ ФИГУРА ПОЛЕМИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ
СПОРТИВНАЯ ЧЕСТЬ СПАСАТЕЛЬНАЯ КОМАНДА ОЗДОРОВЛЕНИЕ
СТРАСТЕЙ УЧТИВОСТЬ КАК РАЗГОВОРЧИВОСТЬ АЭРОПОРТ

Сергей Зенкин
Листки
с электронной
стены

2014-2016 гг

Сергей Зенкин

**Листки с электронной
стены. 2014—2016 гг.**

«Издательские решения»

Зенкин С. Н.

Листки с электронной стены. 2014—2016 гг. / С. Н. Зенкин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834142-7

Книга Сергея Зенкина «Листки с электронной стены» — уникальная возможность для читателя поразмышлять о социально-политических событиях 2014—2016 годов, опираясь на опыт ученого-гуманитария. Собранные воедино посты автора, опубликованные в социальной сети Facebook, — это не просто калейдоскоп впечатлений, предположений и аргументов. Это попытка осмысления современности как феномена культуры, предпринятая известным филологом.

ISBN 978-5-44-834142-7

© Зенкин С. Н.
© Издательские решения

Содержание

Тренажер	6
Логика любви к отечеству	7
Заиграно	9
Экспансия бесформенности	10
Кому не быть братьями	13
Совершенствование ума	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Листки с электронной стены 2014—2016 гг.

Сергей Николаевич Зенкин

© Сергей Николаевич Зенкин, 2016

Редактор Екатерина Алексеевна Пластун

Корректор Юлия Александровна Добина

Верстка, дизайн Алёна Игоревна Тарасова

Автор иллюстраций Александра Счастливая

Кампания продвижения Александр Михайлович Скрыльников

ISBN 978-5-4483-4142-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Тексты, собранные в этой книге, по большей части публиковались автором в сети Facebook; воспроизводятся также несколько публикаций из прессы, бумажной и электронной. Материалы в основном размещены в хронологическом порядке, с несколькими отступлениями от него; добавлены многие заголовки, исключены почти все ссылки и прямые цитаты из чужих высказываний в социальной сети. События и дискуссии последних лет не поясняются задним числом: тот, кому сегодня они не памятли, легко может сам навести справки в Интернете по ключевым словам.

Тренажер 8.01.2015

(Вместо предисловия)

Что мне нравится в Фейсбуке – это возможность упражняться в молчании.

С одной стороны, тебя тут постоянно приглашают вступить в беседу, высказываться по всяким поводам. С другой стороны, тебя никто не торопит, ты можешь среагировать сию минуту, а можешь через час, через день, через неделю – ничего страшного, лента сохранит все. Здесь нет понятия *esprit de l'escalier*, запоздалая реплика ничем не хуже немедленной (ну, разве что в промежутке случатся какие-нибудь новые события, меняющие все дело).

Поэтому в ФВ-дискуссии можно подержать паузу, поразмыслить, посомневаться. Конечно, мы и в обычном разговоре критически следим за собой – как минимум стараемся не ляпнуть глупость, не совершить какой-нибудь *faux pas*. Но разговор – это словно шахматная партия блиц, а Фейсбук – партия по переписке, и не по электронной, как сейчас, а по медленной бумажной переписке, как в былые времена. Успеваешь задуматься еще и о том, а стоит ли обращаться именно с этим именно к этим людям? готовы ли они тебя понять? о том ли вообще у них разговор? не будешь ли ты навязчив со своими идеями, бытовыми заметками, картинками? не собираешься ли сказать трюизм, который прекрасно скажет вместо тебя кто-нибудь другой (и действительно, обычно кто-нибудь да скажет...)? И не лучше ли вообще промолчать, подождать более подходящего случая – тогда, глядишь, и мысль твоя лучше созреет? Потом хоть не будешь, отматывая ленту назад, хвататься за голову: чего же это я наговорил... В нашей торопливой жизни Фейсбук – уникальная точка, где можно оставаться в гуще споров и вместе с тем высказываться не спеша и рассудительно.

Я по природе импульсивный тугодум: знаю, что первая реакция почти всегда неадекватна, надо ждать второй. А Фейсбук – это такой тренажер, позволяющий тренировать выдержку, проверять и уточнять свою мысль и слово. При верном использовании (что не всегда, конечно, удастся!) это бесценный ресурс морального самовоспитания.

Интересно, многие ли об этом догадываются?

Facebook

Логика любви к отечеству

3.02.2014

Есть непочтительное выражение «патриотический угар» – наподобие пьяного угара. И действительно, патриотизм кое в чем подобен алкоголю. Он воодушевляет, вызывает радостный экстаз, побуждает к смелым воинственным поступкам, даже к настоящим подвигам (фронтовые «сто грамм» и призывы «За родину, за Сталина!» служили одной и той же цели); но он же подавляет в человеке здравый рассудок, внушает ему абсурдные идеи, вплоть до агрессивного бреда. Эти разные функции часто распределяются в зависимости от характера людей – одни пьют, чтобы повеселиться, другие чтобы подраться, одни патриоты от любви к своим, другие назло чужим, – но они могут и совмещаться, чередоваться в одном и том же индивиде. Такого индивида, охваченного патриотическим восторгом или возмущением, бесполезно в чем-то переубеждать – надо ждать, пока он протрезвеет.

Само понятие патриотизма противится логике, при попытке его определить получается порочный круг. Патриотизм – это любовь к родине. Но что такое родина? Это не территория страны, которая может сильно меняться (русские считают своей исторической родиной Киевскую Русь, а она сегодня находится в другом государстве), не население, которое меняется еще сильнее (просто в силу смены поколений, а также миграции, скрещивания этносов и рас, присоединения или отпадения областей). Переменчиво даже ее имя: Русь – Московское царство – Российская империя – Советский Союз... Говорят, что родина – это некое духовное единство, традиции, ценности; каковы же, например, традиционные ценности русского народа? Первым ответом непременно оказывается «любовь к родине»: с чего начинали, к тому и приехали.

Конечно же, патриотизм – не фикция, не пустая иллюзия, но это один из фактов нашего опыта, которые всеми сильно переживаются, но плохо поддаются рациональному осмыслению. Как писал Августин о другом таком факте, времени: если никто меня об этом не спрашивает, я знаю, что это такое; вздумай я объяснить спрашивающему – тогда не знаю. Приходится как-то искусственно его схематизировать, чтобы ввести в пространство смысла.

Политики и пропагандисты иногда пытаются связать патриотизм с каким-нибудь другим, чуть более определенным понятием: «наша *советская* родина», «наше *социалистическое* отечество». Получается плохо – прибавленное понятие можно вычеркнуть или заключить в скобки, оно легко забывается, а патриотизм остается. Родину любят не за то, что она такая или этакая, а за то, что она *наша*, – однако местоимение «наша», как и все местоимения, не обладает объективным значением, и множество «нас» нельзя точно описать. Кто такие «мы» – входят ли в это «воображаемое сообщество» уехавшие из страны эмигранты? или понаехавшие в нее гастарбайтеры? или, скажем, геи (разве они не могут быть патриотами?)? или просто те, кто вот сейчас категорически не согласен со мной и считает меня отщепенцем?

Имея дело с такими зыбкими множествами и смутными понятиями, наше сознание обычно прибегает к так называемым «хорошим примерам»: вместо целого берется элемент, который всеми надежно опознается как его часть. Так и патриотизм персонифицируется, любовь к родине проецируется на фигуры каких-то конкретных людей – уж в них-то мы не ошибемся, они-то точно воплощают собой наше отечество. В качестве таких людей-символов патриоту требуются вожди, герои, артисты, спортсмены.

Но вот святые плохо годятся на роль «хорошего примера». Существуют национальные, патриотические религии, и русское православие безусловно из их числа, в нем есть национальные святые, но никто не говорит, что они лучше всех на свете, а «русский бог» – это вообще ироническое понятие (как в известных стихах Вяземского). Легко гордиться Дмитрием Донским – наш был князь, орду побил, – а с Сергием Радонежским, который его на это благословил,

уже сложнее. Патриотически присваивать его себе – «наш святой» – будет неблагочестивым панибратством: он все-таки прежде всего не «наш», а божий. Святость всегда чем-то не удовлетворяет патриота: зачем это Борис и Глеб дали себя убить? надо было самим всех порвать...

С другой стороны, оказывается, что и не все артисты равно подходят для создания патриотических символов. Поэт, художник, музыкант годятся хорошо, а, скажем, актер – хуже. Его могут страстно любить, но все-таки не включают в национальный список канонических фигур: поэт – Пушкин, композитор – Чайковский, живописец – Репин, а лицедей – кто? Место не занято.

Так же и циркачи. Не в обиду им сказать, но в нашем сознании цирк – низкое, площадное искусство («что за цирк!» – говорим мы о чем-либо с недовольством), в нем реальные подвиги силы и ловкости соседствуют с фокусами иллюзионистов и кривлянием клоунов. В старину цирковые борцы славились своими «договорными» поединками; сегодня они вообще вывелись, уступив место спортивной борьбе – она, как считают, честнее. Вообще, хотя некоторые виды спорта имеют прямых родственников на цирковой арене, спорт неизмеримо патриотичнее цирка: во-первых, спорт состязателен, в нем нужно за кого-то болеть, то есть выделять «нашего»; а во-вторых, цирк, подобно театру или кино, слишком явно демонстрирует свою искусственную, иллюзорно-зрелищную природу, тогда как спорт, при всех своих условных правилах, кажется более подлинным. Совсем искусственные зрелища в нем маргинальны (открытие и закрытие олимпийских игр) и могут стать поводом для патриотических эмоций лишь силой его отраженного света.

Итак, логическая проблема патриотизма – на самом деле онтологическая, бытийная. Ему не по плечу слишком высокое, слишком безусловное бытие святости, его вожди и герои не выдерживают сравнения с мистически-нездешним, сверхпатриотическим авторитетом. Но, с другой стороны, он не доверяет и художественной условности (отсюда ревнивое отношение к патриотическим памятникам: это не образы искусства, а непосредственное воплощение «наших героев» и «наших ценностей», не смейте их хулить!); он охотнее ищет себе опору в трагической реальности павших героев и жертв, в телесной наглядности соревнующихся атлетов.

При всей интенсивности связанных с ним чувств, патриотизм внутренне неустойчив, не уверен в себе. Он смутно помнит, что его воображаемые сообщества непрочны и не вечны – так распался в одночасье «советский народ» на разные, не всегда дружелюбные друг к другу нации. В патриотическом одушевлении нельзя жить постоянно, обыкновенно мы гордимся не родиной, а чем-то более конкретным – собственными успехами, своими друзьями и близкими – и оскорбляемся не покушениями на национальные символы, а нарушениями наших прав. За самоупоением нации неизбежно следует трезвая ответственность личности.

на сайте «Новой газеты»

Заиграно 11.03.2014

Много лет назад коллега по службе, пожилой и добродушный дамский угодник, рассказывал мне, как однажды вздумал сделать комплимент некоей сотруднице нашего учреждения: «Какая у вас красивая старинная брошка!» – «Да, – ответила она, – это еще дедушка с погрома принес». С тех пор он старался обходить ее стороной.

Меня всегда занимала психология этой незнакомой мне женщины. Она наверняка понимала, что погром – нехорошо, но это не мешало ей не просто пользоваться награбленным добром, а даже с гордостью сообщать о его происхождении (нет чтобы ответить уклончиво – дескать, «от дедушки с бабушкой осталась...»). Если бы задать ей прямой вопрос – не стыдно ли? – она, должно быть, стала бы оправдываться тем, что дела, мол, давние, она за деда не отвечает и вообще эти, которых громили, сами были не без греха. В общем, нарушение правил было, но заиграно, как выражаются в дворовом футболе.

Подобные самооправдания типичны – человек перекладывает ответственность за дурные дела на других, подчеркивает их удаленность во времени или пространстве. Когда-то в нашей стране истребляли индейцев или же морили голодом украинских (и не только украинских) крестьян – а мы здесь при чем? Где-то там, в заморских колониях или колымских лагерях, творятся беззакония, а я всего лишь пользуюсь кое-какими благами, не заботясь о том, как одно связано с другим. Когда-то Шатобриан и Бальзак во Франции придумали знаменитый пример с китайским мандарином – согласился бы ты, если бы мог, убить его одним лишь своим желанием там, в Китае, и благодаря этому обогатиться? Достоевский вспоминал этот казус в «Преступлении и наказании», а скорее всего подразумевал и в «Братьях Карамазовых», в рассуждении Ивана о всеобщем счастье людей, купленном слезами какого-то безвестного ребенка. Многие готовы «убить мандарина». Самое странное и озадачивающее – это то, что прямо или косвенно ответственный за преступление не забывает его, не «вытесняет» по-фрейдовски, а умудряется как-то жить с ним, не раскаиваясь и не переживая противоречия.

Жан-Поль Сартр описал что-то подобное под названием «криводушие», *mauvaise foi*. При таком странном самообмане человек вполне осознанно – ничего бессознательного! – разделяет себя на две части, словно два несообщающихся сосуда: «фактичность» и «трансцендентность». Проще говоря, по-актерски делит себя на свободное сознание и роль, исполняемую для других. И заигрывает, перебрасывает туда-сюда через эту границу неприятные факты.

написано для «Новой газеты»

Экспансия бесформенности 22.03.2014

Общие философские категории трудно применять для объяснения конкретных исторических процессов – то есть они слишком легко применяются и слишком легко заменяются одна другой. Можно, например, толковать территориальную экспансию России как выбор в пользу пространства против времени (вместо ускоренного движения в будущее будем распространяться вширь в настоящем), но можно и как предпочтение количества качеству (пусть лучше страна будет больше, чем лучше). С такой оговоркой можно заметить, что современное состояние хорошо описывается категориями *субстанции* и *формы*.

Сегодня Россия производит главным образом бесформенные субстанции – нефть, газ, металл, водку, коррупционные деньги, – а сложно оформленные, структурированные объекты импортирует. В этом смысле и Крым для нее «родной», соприродный: его присоединили к России не как упорядоченное общество с заслуженными лидерами, партиями, с традициями освободительной борьбы, а как голую территорию с массой единодушно голосующих (а в самой России, как предполагается, единодушно ликующих) людей, во главе со случайно попавшимся под руку криминальным субъектом. Для российского общественного сознания Крым обладает формой разве что в прошлом: это места военно-патриотической памяти, форма скорее воображаемая, чем реальная.

Такому характеру объекта соответствует и способ его присвоения – вооруженный захват, пусть пока и без большого кровопролития. Приобретая структурированный объект (не обязательно страны или людей – даже любую бытовую машину), приходится адаптироваться к нему, учитывать его собственные законы, вступать в партнерские отношения. Еще три месяца назад Россия примерно так вела себя с Украиной – пыталась купить ее за 15 миллиардов, и сделка совсем было состоялась. Теперь же нет и речи о покупке Крыма, о каких-либо уступках и компенсациях; Крым просто торопливо, без рассмотрения и без разговоров, загребли, словно лопатой кучу песка.

Что это дает? По большому счету, крымский трофей – всего лишь утешительный приз за потерю всей Украины (и множество других потерь в экономике и внешней политике), но зато его приобретение можно отпраздновать с победным салютом. По эмоциональному переживанию даже самый скромный военный триумф безмерно превосходит удовлетворение от удачной торгово-политической сделки.

Вообще, социокультурный смысл нынешнего поворота в российской политике – переход власти в праздничный, эпический режим сакрального законопреступления (трансгрессии), противоположный профанно-прозаической законности будней. Следует особо подчеркнуть роль зимней олимпиады как события, готовившего и стимулировавшего крымскую авантюру; причем важна не столько победа национальной сборной, одержанная (как предполагается) по строгим спортивным правилам, сколько праздничное возбуждение молодечества, вообще говоря не признающего никаких пределов и законов. В таком возбуждении общество забывает о своей сложной структуре и само сливается в сплошную торжествующую массу «своих», «наших». А государство, устроившее праздник, может воспользоваться энергией этого социального «кипения» (как выражался Эмиль Дюркгейм), чтобы сделаться на внешней арене сплоченным и не признающим законов государством-опричником, государством-хищником.

В старину все государства были более или менее хищниками. Если одно из них пыталось вести себя миролюбиво, на него нападали другие и вынуждали-таки точить когти и показывать зубы. Но в современную, и особенно постколониальную эпоху, ситуация изменилась: благодаря глобальному капитализму золото взяло верх над булатом, экспорт капитала стал эффек-

тивнее, чем экспорт насилия. Государства-хищники, государства-изгои не исчезли вовсе, они необходимы для мирового порядка как точка отсчета (так в концлагерном социуме внесистемной точкой отсчета служит опустившийся доходяга, а в современной капиталистической экономике – бесправный нелегальный иммигрант), но, во-первых, их теперь мало, а во-вторых, они вынуждены периодически подтверждать свою «крутость» и незаконность, опасаясь уже не агрессии извне, а внутреннего перерождения. Без повторяющихся время от времени авантур однородно-праздничное общество начинает вновь расслаиваться на составляющие его группы, интересы которых можно согласовать только законами; собственно, они никуда и не девались, просто какое-то время о них не думали, упиваясь чувством патриотического единодушия. Стремясь предотвратить такое охлаждение умов, поддерживая в народе «кипение», Гитлер не мог бы, даже если бы захотел, остановиться после первых, довоенных территориальных приобретений. Праздники и воинственные шабаши быстро забываются, их приходится повторять.

Исторические аналогии – столь же шаткое объяснение событий, как и философские категории, и все-таки стоит провести одну параллель, хоть она и отсылает к эпохе до глобального капитализма и не содержит мотивов праздника и бесформенных субстанций. Во Франции в XIX веке правил император Наполеон III – красавец мужчина с волевым характером, не чуждый и авантюризму. Он пришел к власти на честных выборах в стране, испуганной революционными потрясениями, быстро превратился из конституционного президента в коронованного лидера нации, задавил оппозицию и заткнул рот тогдашним СМИ. На парламентских и местных выборах он назначал «правительственных кандидатов» (они так и именовались официально), чтобы народ знал, за кого голосовать. Пользуясь промышленным подъемом и ростом валового дохода, он развел беспримерную коррупцию в своем ближнем кругу. И через каждые 5—6 лет он воевал – в отсутствие реальных угроз для своей страны, просто из имперской удали. Он побил русских (между прочим, в Крыму), побил австрияков в Италии, послал войска даже в далекую Мексику (правда, эта экспедиция не имела успеха, и французского ставленника расстреляли местные республиканцы), а в конце концов, рассорившись по случайному поводу с прусским королем, начал войну против всей объединяющейся Германии. Францию охватило патриотическое воодушевление, по столичным бульварам ходили толпы с криками «На Берлин! На Берлин!». Прошло около полутора месяцев, и Наполеон III был разбит и пленен при Седане, а уже через день в Париже произошла новая революция.

Кстати, именно к этому человеку относится знаменитая острота Маркса о том, что история повторяется, но, так сказать, с понижением в чине. С такой поправкой можно сказать, что исторические аналогии все-таки иногда работают.

Gefter.ru (доклад на конференции «Пути России 2014», круглый стол «Российское пространство экспансии»)

Кому не быть братьями 10.04.2014

Стихотворение молодой украинской поэтессы Анастасии Дмитрук «Никогда мы не будем братьями» стало хитом Интернета, было положено на музыку в Литве и вызвало множество возмущенных откликов в России, даже несколько стихотворных отповедей, одни – профессионально складные, другие – наивно безграмотные.

Резкость реакции объяснима. Во-первых, в стихах Дмитрук поставлен под вопрос вековой миф о «братстве» русских и украинцев, констатируется его провал в ходе последних политических событий: отъем Крыма от Украины можно оправдывать с разных точек зрения, но только не во имя русско-украинского братства – с братьями так, конечно же, не поступают. Дмитрук указывает на неравный характер этого «братства», как мыслят его в России: «вы себя окрестили „старшими“ – нам бы младшими, да не вашими». Забавно, что ее оппоненты, декларативно отрицая это неравенство, сами же его воспроизводят, толкуя свысока о «молодой дуручке», «глупой девочке», «украинской девочке Насте Дмитрук» и т. д. Разговор на равных между двумя уважающими друг друга народами оказывается невозможен, можно только по-семейному учить жить несмышленища на правах старшего брата. Но «девочка» -то явно требует иного, взрослого разговора, и, не в силах его вести, поучающие нервничают.

Во-вторых, заявляя о расторжении братских уз, Дмитрук апеллирует к настоящему, а не к прошлому. Ее противники все время ссылаются на предание, на «правду Истории», на память «предков», а у нее все происходит здесь и сейчас, в разгар киевской революции: «а у нас тут огни восстания». Она не пытается сводить старые счеты – дескать, вы с нами поступали нехорошо, уже теперь поквитаемся, – не осуждает даже теперешние действия российского государства, а его подданных упрекает не в несправедливости, а в другом грехе – малодушии: «духа нет у вас быть свободными», «воля – слово вам незнакомое». Это суровые слова, и на них трудно возражать другими словами. О делах минувших дней можно вести бесконечную перебранку (и ведут), о справедливости тоже можно долго судить да рядить, а на обвинение в трусости полагается отвечать делами, к чему, похоже, мало кто готов. Поэтому опять-таки нервничают.

Наконец, в-третьих, Дмитрук никогда не уточняет, с кем именно «мы не будем братьями». Желающие могут, конечно, подставить под ее «вы» – просто «русских», но сама она от этого воздерживается. Более того, свои якобы антирусские стихи она пишет на хорошем русском языке, и в ее тексте нет ни одного специфически «украинского» мотива. Поэтому можно понимать ее местоимения в неэтническом, ненациональном смысле: «мы» – герои демократической революции, а «вы» – раболепные холопы своего «царя». И дальше каждому предлагается сделать свой выбор, к какой из этих двух категорий себя относить. Отвергая сомнительное «братство», Дмитрук предлагает всем людям доброй воли – в России, на Украине – новую, товарищескую солидарность. Так часто поступает революция – учреждает новое коллективное «мы», в которое кооптирует даже чужих, казалось бы, людей. Но, конечно, принять такое приглашение трудно, проще его не замечать и обижаться, замыкаясь в своем старом, традиционном «мы». Вот и обижаются – и опять-таки нервничают, чувствуя, что получается не совсем искренне.

Разумеется, все авторы отповедей дружно объявляют стихи Анастасии Дмитрук «плохонькими»; по выражению одного из них, «поэтическая составляющая никуда не годится» (до сих пор говорили только «коррупционная составляющая» – оговорка по Фрейду?). Спорить тут бессмысленно, но очевидно, сколь многих эти стихи задели за живое, – а это, как ни крути, признак художественной удачи. Два года назад точно так же,

примерно по тем же причинам многих в России задели за живое Pussy Riot, разница лишь в том, что их украинская сверстница держится спокойнее, не кричит, а чеканит слова. Ей придает уверенности чувство единства со своим народом, говоря «мы», она обращается от его имени, от имени революции. Таким ломким и гордым голосом заявляет о себе в поэзии История.

* * *

Если бы эти стихи не были такими «горячими», не вызывали с ходу сразу так много нелитературных эмоций, я бы разбирал их со студентами как пример перформативного действия текста. Текст не только что-то значит, он еще и что-то делает по отношению к нам – что же именно? В данном случае это не инвектива, не обличение, а *вызов*, провокация (я недаром вспоминал PR): а слабо вам? слабо тоже быть свободными, героическими, демократичными? Этот вызов можно принять – то есть постараться действительно такими стать (и тогда никакой обиды не будет), а можно не принять, отругиваться от чужих, вместо того чтобы обратиться на себя (и тогда, конечно, текст читается как тупое оскорбление). То есть все зависит от доброй воли читателя: дверь открыта, нигде не сказано, что «мы» – это одни лишь украинцы, «вы» можете перестать быть «вами» и стать «как мы», одними из «нас».

Если еще более филологически углубиться в текст, то я бы заметил, что автор, по-видимому, начитан в русской литературе – оттого и язык у нее, по крайней мере в некоторых строках, богатый и энергичный. Должно быть, читала она и «Скифов» Блока – а в них та же враждебная оппозиция «мы/вы», та же уклончивость в определении «вас», а для «нас» заведомо неточное, метафорическое определение «скифы, азиаты». Или сравните: «Мильоны – вас. Нас – тьмы, и тьмы, и тьмы» и «Вы огромные – мы великие» (с обратным распределением атрибутов). Только ведь «Скифы» – тоже вызов, обращенный к врагам, чтобы призвать их к дружбе и даже... братству: «Пока не поздно – старый меч в ножны. Товарищи! мы станем – братья!» Если иметь в виду блоковский интертекст (кстати, и политически актуальный сегодня в контексте «обиды России на Запад»), то в стихах Дмитрук можно прочесть даже возможность нового, переучрежденного братства русских и украинцев, основанного уже не на традициях крови и почвы («ни по родине, ни по матери»), а на моральной и политической солидарности. Братства модернизированного, в соответствии с модернизирующей направленностью украинской революции. Братства через товарищество, как у Блока.

Я, конечно, не могу ручаться, что сама Анастасия Дмитрук согласилась бы с таким прочтением. Но текст часто выходит из-под власти собственного автора. Объективно ее стихотворение дает возможность для таких интерпретаций; и смею предполагать, что его взрывная популярность обусловлена именно сложностью, двойственностью задаваемой им установки. Подобно «Скифам» Блока, его можно прочесть как чисто националистическую поэзию вражды, а можно – как поэтическое же преодоление вражды. Еще раз, все зависит от нас, от нашей собственной позиции в литературе и жизни.

Facebook

Совершенствование ума 2.07.2014

В поликлинике какой-то пенсионер и, вероятно, отставной военный, выйдя из кабинета после обследования, восхищается сложностью медицинских приборов: «Как же совершенствуется человеческий ум!» Пауза в две-три секунды – и продолжает: «Что Порошенко-то делает! Освободить, видите ли, хочет территорию! Да его четвертовать надо!», и т. д.

В этой сценке интересна пауза, момент перехода и ассоциации идей, на первый взгляд комически нелогичной. Какая связь между успехами медицины и заявлением президента Порошенко (где он действительно обещал освободить – разумеется, не «территорию», а свою «страну»)?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.